

Александр Блок

Страшный мир

Александр Александрович Блок

Страшный мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=211193660101

Аннотация

Сборник стихов (1909-1916)

Содержание

К музе	4
* * *	6
* * *	7
* * *	8
Двойник	10
Песнь Ада	12
* * *	16
На островах	17
* * *	19
* * *	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Блок

Страшный мир

К музе

(1909 – 1916)

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.
И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...
И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.
Зла, добра ли? – Ты вся – не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты – и Муза, и чудо.
Для меня ты – мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?
Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами -
Всё проклятье своей красоты?
И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада -
Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.
Я обрываю нить сознания
И забываю, что и как...
Кругом – снега, трамваи, зданья,
А впереди – огни и мрак.
Что, если я, замороженный,
Сознания оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный, -
Ты можешь ли меня простить?
Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?
Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигашь глазами
И скрываешься в темный тупик...
Но очей молчаливым пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!
Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

6 октября 1909

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).
Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.
Взор во взор – и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.
Узкий твой бокал и выюга
За глухим стеклом окна -
Жизни только половина!
Но за выюгой – солнцем юга
Опаленная страна!
Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, -

Жизнь разбей, как мой бокал!
Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

Двойник

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.

(О, миг непроданных лобзаний!

О, ласки некупленных дев!)

И вот – в непроглядном тумане

Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,

И ты, как живая, и ты...

И стал я мечтой уноситься

От ветра, дождя, темноты...

(Так ранняя молодость снится.

А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу – из ночи туманной,

Шатаюсь, подходит ко мне

Стареющий юноша (странно,

Не снился ли мне он во сне?),

Выходит из ночи туманной

И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,

Промозглым туманом дышать,

В чужих зеркалах отражаться

И женщин чужих целовать...»

И стало мне странным казаться,

Что я его встречу опять...

Вдруг – от улыбнулся нахально,
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909

Песнь Ада

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.
Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.
Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.
Где спутник мой? – О, где ты, Беатриче? -
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,
Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь;
Пощады вопль, иль возглас нежный – скупю
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо
Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, -
Отверженец, утративший права!
Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;
Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.
Там – брошены зияющие маски;
Там – старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...
Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.
В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,
В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;
Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце – знак таинственного брака -
Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волненьем непонятым
В черты его отцветшего лица
И вопрошаю голосом чуть внятным:

«Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?»
Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.
Едва наш город скроется во мгле, -
Томим волной безумного напева,
С печатью преступленья на челе,
Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:
Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной – чудесная жена!
В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,
Я ликование первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!
Так этот миг настал, нежданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно встали в небе метеоры.
И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,

И был напиток души и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных
К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!
И – сомкнутых безмерными цепями -
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованный навек глухими снами,
Дано ей чутать боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!
Но мой удел – могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,
Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, -
Так сострадай и помни, мой поэт:
Я обречен в далеком мраке спальной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально,
Вонзить свой перстень в белое плечо!»

31 октября 1909

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.
В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.
И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно – больше не могу...
А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

На островах

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.
Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой – с пленной – с ней.
Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?
Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.
Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,

И мчаться в снег и темноту,
И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...
Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...
Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только – продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.
Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

11 февраля 1910

С мирным счастьем покончены счета,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.
Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.